

Из воспоминаний Галины Марковны Баркланской (Алесько), несовершеннолетней узницы концлагеря (д.Труды)

- Летом 1942 г. в нашей д. Труды, что на Узменщине, появились каратели. Наша семья помогала партизанам, и поэтому всех нас арестовали. Не пожалели они и меня, семилетнюю малышку. Привезли нас в Грамы, что возле Полоцка. Там разместили в сырых цементированных складах, выдали по буханке хлеба. Кстати, этот хлеб по сравнению с тем, что нам пришлось есть потом, еще был лучшим.

Вскоре нас посадили в товарные вагоны с решеткой. Привезли сначала в лагерь в Саласпилсе, где всех остригли и вымыли под холодным душем. Дальнейший наш маршрут лежал в штурцер. Там отделили мужчин, вместе с ними отца и братьев, Христофора и Ростислава. Потом стали отбирать детей у женщин. У некоторых из них были младенцы, и надо было видеть, как мамочки с нечеловеческой силой прижимали малышкой к себе. Тогда фашисты начали рубить саблями по рукам женщин... У лагеря была вырыта траншея, и некоторые матери живыми ложились в нее вместе с убитыми детьми. После всех погнали по баракам: женщин в одну сторону, детей - в другую.

Барак, где находилась я, располагался рядом с мужским. Их разделяли только два ряда колючей проволоки. Нас, ребят, кормили такой же похлебкой, как и взрослых.

Женщины, жившие в соседнем бараке, в том числе и моя мама, приносили нам блюдо из щавеля, в котором варили гнилое мясо. Случалось, что в этом вареве мы видели червей, однако внимания на них не обращали: голодные и измученные, мы съедали все, что нам давали.

Однажды смотрительницы (а ими были немецкие женщины) заметили, как мама принесла мне свою похлебку, и ее за это жестоко избили.

Дети в лагере не болели, они просто умирали от холода и голода. Совсем ослаб и мой брат Христофор. Его даже выбросили в морг, из которого был один путь - в крематорий. Но поляки из числа военнопленных, которые обслуживали эти сногшибательные печи, заметили, что мальчик еще жив. Они его обогрели, подкормили и снова отправили в барак.

Через некоторое время всех детей собрали и увезли в Лодзь. Там нас сразу же пустили под душ. Причем вода в нем было то очень холодная, то горячая. Видимо, фашисты испытывали, кто из малышек способен выжить.

В лагере была военная дисциплина. По команде вставали, шли в столовую, садились за стол. Если кто-нибудь не успевал исполнить команду, его ждало жесткое наказание. Слабых и обессиленных малышек могли

часами гонять по территории лагеря, заставляли стоять под холодным дождем.

Один из барачков в лагере был огражден, и мы не знали, что делается за перегородкой. Иной раз оттуда слышался писк. Однажды ночью нам все-таки удалось заглянуть в это помещение. На полу мы увидели детей. Они были едва живы, похожи на скелеты. Даже кричать или плакать у малышек не было сил, и они только пищали. Там же стояли штативы с закрепленными трубочками, пробирки, а днем ходили люди в белых халатах.

Моя сестра вместе с другими старшими ребятами работала у помещика. Вечером их доставляли снова в лагерь. И если была возможность, то каждый из старших старался принести хотя бы несколько свеклы, как подкормить малышек. Какая это была радость для нас! Свекла съедалась тут же, мгновенно, немывая.

Лагерь был огражден колючей проволокой, и на всей его территории, доколе могла достать детская рука, вся трава и корни были вырваны и съедены ребятами...

Никогда не забуду радостные минуты освобождения. Мы бросились к нашим солдатам, хватили их за руки, ноги, они же, взрослые, пройдя всю войну, плакали, глядя на нас.

Советские воины доставили нас в медсанбат, а потом, раздобыв нам одежду, развезли по детским домам. Я оказалась в Саратовской области. Сестра Феня так и не дождалась Дня Победы. Она умерла в Лодзи. Покойницы "повезло" в том, что ее не сожгли в крематории, как многих других. Как раз в это время приехали представители Красного Креста, и немцы вынуждены были сделать настоящее захоронение. Сестра лежала в гробу, я и братья стояли рядом. Нас сфотографировали, а затем даже выдали по булочке с маргарином.

Из воспоминаний Закревской Анны Михайловны, несовершеннолетней узницы (д. Волковщина)

Родилась 10 ноября 1927 года в семье запашника Коваленка Михаила Семеновича и Антонины Кондратьевны в д. Волковщина Браславского повета.

27 сентября 1943 года уполномоченный деревни Трибуховщина (Волковщина) сообщил о вывозе молодежи в Германию старше 15-ти лет, прибыли немцы на больших машинах и стали немедленно искать девушек. Анна побежала в дом, чтобы спрятаться. Мать уверяла, что дочери нет, но

поиски продолжались. Немцы догадались открыть погреб и сразу вытащили ее за одежду. Всех согнали в сарай. Там были девушки всех окрестных деревень, их посадили в машины и увезли в Германовичи, где прошла первая медицинская комиссия. Затем в г. Глубокое всех насильно затолкали в вагоны и отправили в Германию. Невозможно представить и понять всю глубину трагедии юных девушек, угнанных фашистами в рабство: каким было расставание со своими семьями, родными, близкими, т.к. они знали, что их увозят на чужбину. Плач, слёзы, истерики... В тесном вагоне, без пищи, под постоянным контролем вражеских глаз, девушки чувствовали поддержку друг друга, переживания, непонятные ощущения. Никто не молил, не просил пощады, не кланялся перед врагом: все терпели. Терпели ради жизни. Две недели страданий, опять немецкая медицинская комиссия по пригодности к трудовой деятельности. И пошёл новый отсчёт времени... Тяжелый труд, издевательства, голод, тоска, страх – вот, что ждало их на заводе в Виттенгае.

Из воспоминаний Анны Михайловны: «...Мне страшно об этом говорить: нас было 109 человек – все девушки (украинки, белоруски, польки). Рабочий день начинался в 6 утра и заканчивался поздно вечером. От завода до барака было далеко, нас водили под конвоем. Работать было очень трудно: за длинными рядами столов украинки на станках, а мы ручную делали железные и деревянные детали, надо было очень точно их вытачивать, за малейшую неточность били по голове; немецкие охранники на вышках следили за каждым нашим движением; постоянное напряжение и страх заставляли нас терпеть побои и издевательства». Ни барак, ни завод не отапливались, кормили один раз лишь для того, чтобы мы существовали. Спали на сенниках со стружек, давались прохудившиеся одеяла. Одежду носили до дыр. Гигиенические условия полностью отсутствовали: в бараке на такое количество узниц было одно ведро с холодной водой и одна кружка. Умывались, закрываясь одеялами, стирали белье очень редко, сушили либо на земляном полу в бараке, либо на обгороженной проволокой изгороди, с которой немки палками постоянно её сбрасывали. Работала Анна Михайловна на этом заводе с октября 1943 года и до окончания войны. Особенно невыносимо было демонстративное «нежелание гитлеровцев видеть в своих малолетних пленниках людей, постоянное унижение их человеческого достоинства, стремление зверствами и террором заставить примириться со своим рабским существованием».

Еще хочется рассказать один эпизод. По приказу охранника Анна должна была принести из подвала завода ведро воды. Набрав воды, Анна не смогла закрыть полностью кран. Через некоторое время немцы увидели воду, набросились, и стали жестоко избивать. Анна не надеялась остаться живой,

но всё время молила Бога о жизни. После избиения они отправили девушку на всю ночь собирать руками воду. Работая в полной тишине, вся измученная, она думала о доме, Родине, и о своей жизни. Анна Михайловна добавила: «Я была здоровой, сильной и терпеливой девушкой и мне очень хотелось жить».

Атмосфера в бараке и на заводе среди девушек была доброжелательной, молились за то, чтобы остаться в живых и вернуться домой, поэтому приказы охранников выполняли добросовестно и работали ответственно.

Несмотря на то, что Анна отличалась крепким здоровьем, но, тем не менее, нечеловеческие условия существования и труд вызвали появление на ногах ран. Больных девушек отправляли и больше они не возвращались, их уничтожали. Анна боялась, терпела, как могла. Врач дала ей мазь, она не помогала, а наоборот усугубляла разгневание и невыносимую боль. Она мучилась, но не подавала вида, но этого нельзя было не заметить. Старый немецкий охранник принес тайно из дому листьев мать-и-мачехи, совершенно незаметно передал их девушке. Как отметила Анна Михайловна: «Это было моё спасение!».

Жизнь молодых девушек в неволе была полностью оторвана от Родины, они не знали, что происходит на фронтах, живы ли их родители, но прекрасно осознавали, что война продолжается. «Однажды, проснувшись утром, была непонятная тишина, - говорит Анна Михайловна, - непохожая на привычный образ жизни. Все, недоумевая, выбежали из барака. Вскоре появились незнакомые солдаты. Предчувствия окончания войны оказались правдивыми: американские солдаты старались нам что-то объяснить, но мы только думали о том, что мы больше не увидим зверей – охранников. Три дня творился хаос, радость была безмерной. Мы кричали: «Ура! Живые! Живые!». Мои мысли были о доме, матери, братьях и сестре, как их найти. Наконец появился русский офицер и задал долгожданный вопрос «Кто хочет домой? Скоро прибудет поезд». Несколько человек мгновенно закричали, в их числе и Анна Михайловна.

Но домой Анна попала только через три месяца после окончания войны. Оказалось, эшелоны их увезли в Нордхаузен (концентрационный лагерь Германии) для уборки помещений. Вместе со своими землячками Сипович А.Я. из д. Дедино (умерла в 2006 году) и Павлюканец из д. Соболевщина (умерла в 1945 году) уничтожали следы зверств нацистов. Здесь не обошлось без неожиданностей. В куче лохмотьев сине-белых полосатых пижам девушки обнаружили еле живого польского узника, которому удалось спрятаться. Трудно поверить, как он благодарил за свое

спасение. Немного окрепнув, он работал вместе с ними. Их не покидало желание вернуться на Родину, наслаждаться жизнью, чувствовать себя свободными и безопасными. Мирное время, хоть и в труде, но приносило девушкам минуты радости и порывы молодости. Но... во время празднования Яна (23 июня 1945 года) девушки плели венки и бросали в воду маленького водоема во дворе жилого особняка. Народу было очень много. Все внимательно следили за движением плавающих веночков. В одно мгновение Анне захотелось перейти в другое место. И в этот момент раздался выстрел, в результате которого погибла девочка, стоявшая на месте Анны. Опять её терзали мысли, опять грусть... но жизнь продолжается. То ли совпадение, то ли судьба опять распорядилась, Анна опять осталась жива и благополучно вернулась на Родину.

Что принесет судьба в послевоенное время? Бедный странник предложил молодой Анне, видя ее уставшее измученное лицо, погадать на руке. Услышанному она не могла поверить, но это ее не удивило. Но, как оказалось, все слова странника оказались пророческими.

Вскоре Анна выходит замуж за психически больного человека, хотя сватался к ней и любил совершенно другого. Судьба не щадила ее и здесь. Муж пил, постоянно избивая её, выгонял из дому с маленькой дочерью (второго ребенка потеряла от побоев мужа). Единственным утешением была работа в колхозе, которой она посвятила 40 лет, была сначала дояркой, потом телятницей.

Из слов Анны Михайловны: после войны никогда не плакала, даже, когда её зверски избивал муж, сжимая зубы, терпела. А он рассказывал по деревне о своих делах и говорил: «Якая яна трывалая! Я яе б'ю, а яна маўчыць, не плача!». Семейная жизнь закончилась через 25 лет. Как видим, её жизнь была очень сложной, безрадостной, хотя рядом была мать (умерла в 1978 году), сестра и два брата, которые жили недалеко. Они поддерживали её добрым словом и оказывали всевозможную помощь. Коллеги по работе сочувствовали ей, сопереживали, давали советы.

Из воспоминаний Метла Веры Игнатьевны (г. Дисна)

Мысливец Александр, Мысливец Игнатий, Косатый Иван, Сакович Константин, Артимёнок Владимир были расстреляны в Дисне немецкой полицией в декабре 1942 г. Этому событию предшествовала вражеская диверсия. Полицейские под видом партизан прошли по деревням, где проводили беседы о советской власти, о том, как хороша была прежняя жизнь, о том, что нужно помочь партизанам в борьбе против врага. Те люди,

которые встретили их с радостью и поддержкой, на второй день уже были расстреляны здесь на песках.

По воспоминаниям Веры Игнатьевны Метла, в их доме под кроватью около двух недель прятался измождённый беглый пленный солдат. Когда он ушёл, переодевшись в гражданское, в их дом пришли полицаи и забрали отца Игнатия. Одновременно забрали ещё несколько человек. Всех вывезли в Дисну. Были женщина и мужчина, которых родственники смогли выкупить у полицаев. Первую партию схваченных расстреляли через 3 дня. Остальных - несколькими днями позже. Вера Игнатьевна помнит, как им, детям разрешили увидеть отца перед расстрелом, но в людской толпе так и не удалось попрощаться, как следует. До сих пор Вера Игнатьевна вспоминает последние слова отца: "Сходите к бабушке..." После расстрела мёртвые люди лежали на земле не закопанные. По просьбе и уговорам одной местной жительницы было разрешено похоронить погибших на месте расстрела.